

Алексей РОСТОВЦЕВ

ПОЛКОВНИК СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Алексей Александрович Ростовцев

Полковник советской разведки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5806880

Полковник советской разведки / Алексей Ростовцев.: Авторское; 2012

ISBN 4607031764992

Аннотация

Алексей Александрович Ростовцев – полковник в отставке, прослуживший в советской разведке четверть века, из них шестнадцать лет – за рубежом; писатель, автор многих книг и публикаций, член Союза писателей России.

«...Контрразведка и разведка дали мне неисчерпаемый материал для моих литературных экзерсисов на всю оставшуюся жизнь. В моих рассказах – жестокая правда оперативной работы, которую надо делать чистыми руками. Из соображений конспирации я заменил клички агентов, установочные данные фигурантов, сместил временные и пространственные рамки событий. Всё остальное – правда...»

[style=font-size:80%]Александр Ростовцев, полковник советской разведки[/style]

Содержание

Начало	7
Грезы любви	14
Обязательство	24
Ночевала тучка золотая...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Ростовцев

Полковник

советской разведки

Лет сорок тому назад, когда я после окончания романо-германского отделения Ростовского университета преподавал немецкий язык и западную литературу в пединституте города Грозного, на меня положили глаз сразу две спецслужбы: ГРУ и КГБ. Очевидно, и тем и другим понадобился физически здоровый парень с нордической внешностью, владеющий немецким языком. В таких кадровых спорах обычно одерживал верх КГБ. Однако служить в Чечено-Ингушской контрразведке мне пришлось недолго. Не прошло и двух лет с момента моего зачисления в органы, как меня пригласили на смотрины в Москву, а через пару месяцев я был направлен за границу уже по линии разведки. В разведке прослужил ровно четверть века, из них шестнадцать лет за рубежом.

После ухода на пенсию пошел по пути, проторенному миллионами пенсионеров: занялся воспитанием внуки и наведением порядка на дачном участке. Однажды холодным осенним вечером, сидя у русской печи с валенком в одной руке и шилом, вмонтированным в перочинный нож, в другой, я вдруг вспомнил, что с этим самым ножом связана одна

любопытная история. А не написать ли рассказ о нем? Задумано – сделано! К моему удивлению, рассказ вскоре был опубликован одним из московских журналов. Где-то после полутора десятков рассказов и двух повестей, когда мне уже стали платить приличные гонорары, жена сказала:

– Зря ты пошел в разведку. Наверное, из тебя вышел бы неплохой писатель.

– Не зря, – возразил я. – Если бы я не пошел в разведку, мне было бы не о чем писать.

Думаю, что я был прав. Контрразведка и разведка дали мне неисчерпаемый материал для моих литературных экзерсисов на всю оставшуюся жизнь.

В моих рассказах – жестокая правда оперативной работы, которую надо делать чистыми руками. Из соображений конспирации я заменил клички агентов, установочные данные фигурантов, сместил временные и пространственные рамки событий. Все остальное – правда. Правдив даже рассказ «Начало», хотя героем его я шулки ради сделал никогда не существовавшего Джеймса Бонда.

Я попросил бы читателя быть снисходительным к моим героям, которым по роду их деятельности приходится поступать порой жестоко, порой цинично. Помните слова Высоцкого: «Грубая наша работа позволит вам встретить восход»? Не забывайте, что разведчик переступает не только через противника, но часто и через самого себя. И делает он это не корысти ради, а с мыслью о благе Отечества.

Алексей Ростовцев, полковник советской разведки (в отставке.)

Начало

Билл Саймонс не считал себя неудачником. На скользком и ухабистом пути оперативного сотрудника разведки фортуна не раз осеняла его своим крылом. Случались, правда, и провалы. Последний выплеснулся на первые полосы газет вместе с фотографией Билла, запечатленного в момент проведения тайниковой операции.

Провалившихся разведчиков в зависимости от наличия или отсутствия у них влиятельных связей либо выдвигают в начальники, либо задвигают на преподавательскую работу. У Билла связей не было. Он сделал себя сам, и потому его без промедлений и колебаний слили в одну из спецшкол ведомства, которому в обозримом будущем предстояло стать самой могущественной разведывательной службой мира. Шел 1947 год – год основания ЦРУ.

Билл легко вписался в новый коллектив и, засучив рукава, принялся за работу, поскольку справедливо полагал, что карьеру можно сделать на любом месте. К своим воспитанникам он относился с тихим презрением, хотя все они казались ребятами толковыми и сметливыми. Ему было наплевать на то, что каждый из них, прежде чем попасть в спецшколу, прошел сквозь сотни тестов, придуманных яйцеголовыми психологами, никогда не работавшими в разведке. Он знал, что разведчика нельзя воспитать в спецшколе, как

нельзя воспитать в ней поэта. Разведчиком и поэтом надо родиться. Это от Бога, а быть может, от Дьявола. Я вам покажу, супермены паршивые, чего стоит любой из вас, думал он, дайте только срок.

Тест, предложенный Биллом, был прост и гениален. Руководство после некоторых колебаний разрешило ему провести эксперимент.

Однажды после завтрака Билл усадил два десятка своих питомцев в автобус, предварительно отобрав у них все документы и деньги, загадочно улыбнулся и велел водителю ехать на запад.

– Куда именно? – поинтересовался шофер.

– Все равно, – ответил Билл.

Ехали долго. Останавливались дважды: для обеда и ужина. Говорили о чем угодно, но только не о предстоящем деле. В разведке так принято. Начальство само знает, когда открыть исполнителям тайну предстоящей операции и поставить задачу. Поздней ночью остановились на окраине маленького сонного городка. В салоне автобуса вспыхнул свет. Билл обвел лица курсантов испытывающим взглядом и сказал:

– Вот что, ребята, сейчас вы покинете автобус и разойдетесь в разные стороны. Через неделю каждый должен вернуться в учебный центр, имея при себе не менее пятисот долларов и документ, удостоверяющий личность. Разрешается все. Не разрешается одно: преступать закон. Пользоваться

моим телефоном можно, в крайнем случае. Гуд бай, ребята! На вас смотрит Америка. Вылезайте-ка на дорогу, и да поможет вам Господь!

Ошарашенные курсанты молча покинули автобус, который тут же развернулся и уехал.

Прошла неделя. К концу установленного срока в шпионскую *alma mater* вернулись семнадцать изрядно исхудавших и пообносившихся подопытных суперменов. Двоих пришлось вызывать из полиции, а один так и вовсе не явился. Это был курсант под номером 007. Его Билл считал самым неспособным и питал к нему хорошо скрываемую антипатию. Никто не принес пятисот долларов, а кое-какие легализационные документы добыли немногие.

Читая отчеты своих учеников, Билл ругался и плевался. Сукины дети! Они думали не о том, как подойти к интересному объекту, как создать предпосылки для внедрения в нужные круги. Все их помыслы были направлены только на то, как набить брюхо. А где выдумка, где изобретательность, полет фантазии, вдохновение наконец?! Один добыл деньги посредством таскания тюков, ящиков и картонных коробов с товарами на пристанях и в супермаркетах. Жалкий пошляк! Другой торговал рецептами эликсиров от импотенции и бесплодия. Мошенник! Жаль, что тебя не упекли в каталажку! Третий принял участие в состязании любителей свиных бифштексов и одержал победу, слолав шестнадцать кусков жареного мяса, о чем получил соответствующее свиде-

тельство – пустую бумажку с изображением пороссячьей хари. Конечно, голод не тетка, но почему голодный так стремительно опускается до уровня скотины, отшвыривая интеллект в сторону, как ненужный хлам? Четвертый всю неделю вкалывал при кухне Армии спасения. Был сыт и заработал на билет до места дислокации учебного центра, для чего же ты, полудурок, оканчивал Колумбийский университет? Пятый читал лекции о том, как одержать верх в борьбе за существование и добиться успеха у противоположного пола. Вступил в Клуб друзей белой хризантемы. Приложил к отчету членский билет Клуба. Неплохо для начала, но документ без фотографии – не документ.

– Седьмой вернулся! – доложил по телефону сержант с проходной.

– Выгребся-таки, кретин! – раздраженно бросил Билл, швыряя трубку и не зная, радоваться ему или печалиться.

Этот парень, на чьем лице дебилизм удивительным образом уживалось с хитростью и наглостью, ему определенно не нравился.

Он подошел к окну и оторопел от изумления. Длинный пепельный «Линкольн», тихо шурша шинами, вкатился во двор и замер в десяти метрах от Билла. Из машины вышел Седьмой. На нем был отличный костюм, белоснежная сорочка и галстук-бабочка. Он выглядел как истинный джентльмен. Лениво потянувшись, зевнув и сделав несколько упражнений для разгона крови, курсант направился на доклад

к шефу. Поздоровавшись, выложил на стол пачку зеленых банкнот и водительские права, которые в Штатах вполне заменяют паспорт.

– Где ты все это взял? – спросил Билл, успевший опустить на лицо маску холода и спокойствия.

– Я трахался с богатыми старухами, сэр, – ответил Седьмой без малейшего смущения.

– Так... Рассказывай все по порядку.

– Мне очень хотелось есть. Меня прямо-таки шатало от голода. Я прошел много миль, но так и не смог добыть какой-либо пищи. И тут на пути моем возник храм и я подумал, что это Господь дает мне последний шанс. Я вошел в церковь и, опустившись на колени перед распятием, принялся усердно молиться, прося Господа о хлебе насущном. Однако чувство голода отвлекало меня от молитвы. Я поднял голову и увидел рядом пожилую женщину в черном. Она молилась истово, страстно. Так молятся только великие грешницы, сэр. Она почувствовала, что на нее смотрят и подняла голову. Мы встретились взглядами, и я сразу понял, что ей надо. Из церкви мы вышли вместе. Она хорошо кормила меня, а через двое суток отпустила, сунув мне в карман триста долларов. И я пошел от храма к храму, безошибочно находя среди молящихся своих клиенток.

Билла охватило чувство гадливости, и он вспомнил знаменитый постулат о том, что разведка – это грязная работа, которую надо делать чистыми руками.

– Кто подарил тебе машину?

– Вдова сенатора Кольриджа, сэр. И права тоже она достала. Это очень добрая женщина, сэр, хотя в постели суший зверь! Она обещала положить в банк кругленькую сумму на мое имя, если я буду навещать ее дважды в неделю. Вы мне позволите это, сэр?

– Не позволю. Деньги сдай в кассу. «Линкольн» будем использовать в оперативных целях.

Седьмой вздохнул.

– Почему ты так осунулся? Тебя ведь хорошо кормили.

– Это тяжелая работа, сэр. Бабульки не хотели отдавать своих денег зазря.

– А сколько лет вдове сенатора?

– Лет сорок пять – сорок семь.

– Какая же она старуха, болван!

– Но мне-то она – в матери.

Билл скорчил брезгливо гримасу и покачал головой.

– Если отвлечься от этической стороны вопроса, то ты обошел всех на два корпуса, бездельник. Получишь благодарность и денежный приз. Иди отсыпайся. Отчет напишешь после...

Билл рассказал о приключениях Седьмого мистеру Филби, советнику из СИСа. Тот смеялся от души и пожелал своими глазами увидеть будущего супершпиона.

– Чересчур атлетичен, бросок, но по личным качествам почти готовый нелегал, – подытожил Филби свои впечатле-

ния от знакомства с Седьмым. – Ничего, что у него левое ухо больше правого. Такая особая примета маскируется прической. Странное выражение лица у этого субъекта – симбиоз тупости с прохиндейством. Люди с такими лицами частенько выбиваются в президенты, премьеры или диктаторы. Непонятно, зачем его понесло в разведку. С вашего позволения, мистер Саймонс, я расскажу о его похождениях моему лондонскому приятелю, который после выхода в отставку намерен заняться сочинением детективов...

Оперативная биография Седьмого сложилась удачно. Везде, где бы он ни появлялся, его уже ждали. Противник то и дело подставлял ему свою агентуру, напичканную дезинформацией, поэтому он никогда не проваливался. У начальства Седьмой числился в маяках. Сейчас он на пенсии и заканчивает мемуары. Что же касается его литературного и киношного двойника, то тому повезло куда больше! Молодой и здоровый, он до сих пор бодро шагает по полотняным бродвеем киноэкранов, разбивая табуретки о головы чекистов и лишая невинности юных и очаровательных агентесс КГБ. Его оперативную кличку, короткую и звонкую, как выстрел, знает весь мир. Мы, русские, пока не смогли никого противопоставить ему. Штирлиц не в счет. Это герой совсем иного плана. Он – разведчик-мудрец, разведчик-философ. Думай, соображай, размышляй, дерзай, сотрудник российских спецслужб, если природа одарила тебя легким и быстрым пером. Слово за тобой!

Грезы любви

Это было так давно, что, может быть, этого вовсе никогда и не было.

Стояло ясное майское утро. Атташе советского посольства в Италии, он же оперуполномоченный римской резидентуры КГБ Коля Лиходеев, битый час шлялся по Пала-тинскому холму, делая вид, что ему жутко интересны развалины дворца Флавиев и облупившиеся фрески на стенах дома божественной Ливии, супруги императора Октавиана. Навеки застывшее безбрежное каменное море стилей и эпох простиралось перед ним. У ног его лежал античный Форум, утыканный останками колонн, триумфальных арок, базилик и храмов. Рядом темнела мрачноватая громадина Колизея. Левее, поодаль, сиял вознесенный на столпятидесятиметровую высоту золотой крест, венчающий гигантский купол собора Святого Петра.

Коле не было дела до всего этого великолепия. Он нервно прохаживался взад-вперед, сжимая в потных руках опознавательный знак – пухлую «Стампу» за тринадцатое число, и вожделенно ждал агента, который явно не спешил выходить на встречу, а это была первая Колина встреча в условиях за-границы. Уж эти мне итальянцы! Они столь же непунктуальны и необязательны, как русские.

Почему молодому и неопытному оперу поручили прове-

дение встречи с ценнейшим источником, который к тому же в течение долгого времени находился вне связи? Это была очередная выдумка резака, любившего алогизмы со скрытым глубинным смыслом. Расчет генерала как раз и базировался на Колиной оперативной девственности, незасвеченности. Контрразведка противника пока не принимала его всерьез и не ходила за ним стаей, подобно голодным волкам, плетущимся за медведем-шатуном в ожидании проявлений глупости или слабости с его стороны. Встреча эта не таила в себе ничего опасного. Надо было всего лишь оговорить с агентом новые условия связи и ничего более. Опытные сотрудники резидентуры, держась в отдалении, с двух точек вели наблюдение за местом встречи, готовые в любой момент прийти на помощь. Коли видел ребят краешком глаза, и их присутствие помогало ему не впасть в панику.

Ага, наконец-то! Он сразу узнал агента по фото, имевшемуся в резидентуре: пожилой совершенно седой человек с густыми черными бровями и лицом, изборожденным глубокими морщинами. Поблескивал значок с изображением Гарибальди на лацкане пиджака. Все было как надо. Старик остановился, ожидая, когда к нему подойдут, и Коля подошел.

– Простите меня, синьор, – сказал он. – Я иностранец. Мне все интересно в Риме. Не могли бы вы показать место, где находился Золотой дворец Нерона?

Старик смотрел на него улыбаясь.

– Это было колоссальное сооружение, синьор...

– Никколо.

– Это было колоссальное сооружение, синьор Никколо. Оно занимало все пространство между Палатином и Эсквилином. От него сохранилось только северное крыло. Теперь там музей.

Пароль и отзыв были сказаны, но старику явно хотелось поболтать, и он принялся увлеченно рассказывать:

– Вестибюль дворца был такой, что в нем поместилась статуя императора высотой в тридцать пять метров. В остальных покоях все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и перламутровыми раковинами; в обеденных залах потолки были штучные, с поворотными плитами, чтобы рассыпать цветы, с отверстиями, чтобы рассеивать ароматы; в купальнях текли соленые и серные воды. Так говорит великий историк древнего Рима Светоний... Видите эту мраморную плиту, синьор Никколо? Под нее я еще вчера вечером положил сверток. Возьмите его после моего ухода – не пожалеете... Когда дворец был закончен, Нерон заметил, что теперь он, наконец, будет жить по-человечески.

Коле стало легко и весело. Ему захотелось продолжить беседу, хотя это было вовсе не обязательно.

– А откуда Нерон любовался пожаром?

– С Меценатовой башни. Он поджег город совершенно открыто. Консулы ловили у себя в домах его слуг с паклей и факелами, но не решались их трогать. Целую неделю свиреп-

ствовала страшная огненная стихия, а народ искал убежища в каменных склепах. Кроме бесчисленных жилых построек, горели дома великих полководцев, украшенные военными трофеями, горели древние храмы, горело все достойное и памятное, что сохранилось от старых времен, а император, наслаждаясь великолепным зрелищем, пел в театральном одеянии «Крушение Трои».

– Однако он был способен на поступок, – пробормотал Коля, и агент, уловив в его голосе нотки восхищения, осекся и с изумлением взглянул на него.

Но Коля уже взял себя в руки и принялся объяснять старику новую систему связи.

Когда агент ушел, Коля еще полчаса гулял среди исторических развалин, никак не решаясь залезть под плиту. Ему категорически запретили принимать что-либо от источника, в чьей оперативной биографии было немало сомнительных моментов, подлежавших проверке. Возможна провокация, думал он, а если нет, тогда... Коля стремительно направился к плите, на глазах удивленных прохожих опустился на колени, извлек из-под плиты небольшой целлофановый пакет, сунул его в карман и почти бегом спустился к Виа Кавур, где его ждала машина. Никто не предпринял попыток задержать его.

– Идиот! – ласково сказал ему резидент, когда Коля доложил о результатах встречи. – Ты мог всех подвести под монастырь. Всех нас и страну нашу! Слава Богу, что все обо-

шлось. Пошел вон! Получишь взыскание.

Генерал развернул сверток и ахнул. Он держал в руках информацию, которой не было цены. Далеко не каждому разведчику удастся получить такую за тридцать лет безупречной службы. Генерал сам написал победную реляцию в Центр и сам отнес ее шифровальщику. Затем отыскал в кулуарах посольства Колю Лиходеева и, хлопнув его по плечу, прорычал:

– Ты схватил Бога за яйца, парень! Крути дырку!

– Я вас не понимаю, – пролепетал Коля, ошалело глядя на шефа.

– А чего тут понимать? Восстановил связь с ценным источником и сразу же получил ценнейшую информацию... А вообще так больше никогда не делай. Один раз пронесет, другой, а в третий – подзалетишь!

Резидента потянуло на лирику.

– Ты плохо знаешь Рим, – продолжал он. – Даю тебе три дня отпуска. Употребь их на знакомство с городом. Ты помнишь, где Гоголь написал «Мертвые души»?

– Думаю, что в Москве.

– Ну и дурак. Тут он их написал, тут, в Риме, в доме № 126 по Виа Феличе, на Счастливой, значит, улице, возле площади Испании. Улица теперь называется Виа Систина, а прочее – как при Гоголе. Пойди посмотри, что есть стиль барокко, посиди у фонтана «Лодочка», проникнись... Но это завтра. А сейчас готовься к приему. Между прочим, Сильвия Бер-

нари будет. Тебе как культурному атташе не мешало бы с ней познакомиться. Действуй, сынок! Сегодня твой день!

Коля, не чуя под собою ног, поплелся на свое рабочее место, достал из недр сейфа бутылку коньяка, шарахнул граммов сто пятьдесят, закусил конфеткой, сел и погрузился в сладостные воспоминания. Сильвия Бернари! Он еще студентом увидел ее в «Грезах любви» и понял, что никакая другая женщина ему не нужна. В свои двадцать пять лет он не помышлял о женитьбе, хотя девки висли на нем, как репьяхи на собаке. Знаменитая звезда экрана снилась ему по ночам, мешала работать днем, улыбаясь со стены своей знаменитой невинно-порочной улыбкой, будоража воображение, волнуя кровь... Коля выпил еще и отправился домой переодеваться к приему.

Явившись вечером в Большой зал посольства, он сразу увидел Сильвию. Она стояла у открытого окна и о чем-то беседовала с женой посла. На ней было очень открытое вечернее платье. Тугой корсет сделал совершенно осиной и без того тонкую талию, приподнял и без того высокий бюст. Тяжелые волосы, уложенные короной, оттягивали назад прелестную гордую головку на лебединой шее. Бриллиантовое кольцо переливалось волшебным сиянием на мраморной груди. У Коли аж дух захватило, когда первый секретарь посольства, представив его звезде, покинул их. Он принялся лопотать какую-то чушь о необходимости дальнейшего укрепления культурных связей между Советским Союзом и Итали-

ей, но мысли его были совсем о другом. Господи, спаси и помилуй, думал он, неужели эта принцесса когда-то была портовой шлюхой? Но ведь была же! От того периода ее жизни осталось только одно: низкий хрипловатый прокуренный голос.

– Сколько ты стоишь, Сильвия? – брякнул он вдруг ни с того ни с сего и сам ужаснулся своей наглости.

Но сегодня был его день. Актриса не плюнула ему в лицо и не ударила его, а продолжая спокойно улыбаться одними кончиками губ, окинула юного атташе оценивающим взглядом прекрасных черных глаз, светившихся влажным блеском. А почему бы и нет? Высок, строен, красив. Голубоглазый шатен. Таких не каждый день встретишь в Италии, где мужчины от злоупотребления пивом и спагетти рано толстеют.

– Я стою миллион, – ответила она просто.

Миллион лир это не так уж много. По тем временам – одна тысяча долларов. Сильвия Бернари, пребывавшая тогда в расцвете красоты и в зените славы, стоила гораздо больше. У ног актрисы валялись президенты, кардиналы, знаменитые гангстеры, арабские эмиры и африканские царьки, которые по одному мановению ее ручки, затянутой в тонкую душистую перчатку, готовы были осыпать кинодиву золотом, и они с восторгом делали это. Подлинная рыночная цена ее была в то время миллионов пятьдесят, однако Сильвия не стала пугать Колю астрономической цифрой, поскольку он

ей понравился. Сказать же, что она не стоит ничего, ей не позволяла прежняя профессия.

На Колину беду он накануне был назначен казначеем резидентуры, и в его служебном сейфе лежало несколько миллионов лир, поэтому он спросил уже совершенно уверенным тоном:

– Когда и где?

– Через час у моей машины. На парковке слева. Светлый «Шевроле».

В машине она болтала с ним, как со старым приятелем.

– Я живу на Виа дель Корсо. Это в двух шагах от фонтана Треви. Ты уже бросил в фонтан монетку, Никколо?

– Еще не бросил.

– Надо бросить. Не бросишь – потеряешь Рим.

Что ему было до Рима? Закончился его день, наступила его ночь, и в эту ночь он чувствовал себя Нероном, спалившим Вечный город, а она была его покорной рабыней, сгоревшей в огне великого пожара любви.

Утром Сильвия приготовила ему душистый кофе и, когда он допил чашку, положила перед ним пачку ассигнаций.

– Возьми свои деньги, дурачок. Разве ты не видишь, как я богата? Мне было хорошо с тобой. Возьми деньги. У тебя могут быть неприятности по службе.

– Я могу иногда навещать тебя, Сильвия?

– А вот это ни к чему. Ни одного мужчину я не любила более одной ночи. Любовь не должна становиться повседневно-

ностью, дорогой Никколо.

– Но Сильвия!

– Чао, бамбино, сорри! – пропела она и, послав ему воздушный поцелуй, исчезла в глубине роскошных покоев.

Коля взял деньги и вышел на улицу. Он отдал миллион владельцу цветочной лавки у фонтана Треви и велел ему каждый день отвозить корзину белых роз на виллу синьорины Бернари.

– Конечно, синьор, – ответил лавочник, – но этого хватит ненадолго.

– На сколько хватит, на столько и хватит! – отрезал Коля и отправился в посольство муниципальным транспортом. Карманы его были пусты. У него не осталось монетки, которую надлежало бросить в фонтан, известный всему свету по фильму «Дольче вита». Бросить, чтобы не потерять Рим.

В посольстве Коля написал короткий рапорт о случившемся на имя шефа, а через три часа он уже летел в Москву самолетом Аэрофлота.

Начальник разведки, досадливо морщась, говорил кадровику:

– Придется докладывать в ЦК. А не доложу я, доложит Громыко. Как же он, сукин сын, отважился на такое?

– Не иначе как гормонышибанули в башку, Владимир Александрович, – отвечивал кадровик.

– Подготовь распоряжение мне на подпись, чтоб неженатиков больше в ДЗК не направляли...

Николай же получил строгача по партийной линии, стал невыездным, и был направлен на работу в научно-оперативное управление Главка. Там он и прослужил до выхода на пенсию. В коллективе ценили и уважали бывшего атташе советского посольства в Риме и немного завидовали. Ведь его же любила сама Сильвия Бернари!

Обязательство

В апреле 1945 года старший лейтенант госбезопасности Копылов выехал из Москвы в Краснодар с ответственным заданием, которое было не столько сложным, сколько щепетильным. И хотя щепетильность отнюдь не являлась фамильной чертой рода Копыловых, молодого офицера это нимало не беспокоило.

За окном вагона плыл безотрадный пейзаж. Страна была разорена войной в прах. Повсюду громоздились груды битого кирпича и бесформенные глыбы бетона, из-под которых торчали искореженные металлические балки и обгоревшие деревянные стропила. В развалинах копошились люди – наши и пленные немцы. Они что-то тащили, копали, чинили. Работали споро. Наши вдохновлялись привычным энтузиазмом, немцы знали, что не видать им фатерлянда, как своих ушей, пока они не восстановят разрушенного. Одно вселяло в душу радость: Красная Армия, словно мстя за горечь поражений сорок первого и сорок второго, неудержимой лавиной катилась по Европе, ломая и кроша тысячелетний Райх десятками тысяч гусениц, миллионами бомб и снарядов. Одна за другой падали перед ней древние и блистательные столицы. Одни отчаянно сопротивлялись, другие осыпали русских цветами. Бои шли уже в Берлине. «Так их, так их, сукиных детей!» – с удовлетворением повторял Копылов, слу-

шая сводки Совинформбюро. Он успел послужить в Смерше, был ранен и чувствовал себя на все сто процентов причастным к приближающейся победе.

Московское начальство разъяснило ему, что после окончательного разгрома Германии война будет продолжена иными средствами и к новой, тайной войне надо готовиться уже сегодня. Эта установка и лежала в основе задания, которое получил Копылов.

Начальнику Краснодарского управления Народного комиссариата госбезопасности он сказал, что начнет, пожалуй, с Армавирского лагеря, потому что именно там находится антифашистская школа, известная всем немцам, поднявшим руки на южных фронтах. Начальник кивнул и выделил ему симпатичную переводчицу и машину с водителем.

Маленький Армавир был разбит не лучше Орла или Курска. В руины были обращены вокзал, гостиница и жилые дома против него, главная улица, носившая имя Кирова, прилегающая к ней площадь и соседние переулки. Тут тоже повсюду работали пленные.

К началу мая Копылов с помощью местных чекистов отобрал три десятка дел на приглянувшихся ему немцев. Преимущественно это была внутрilaгeрная агентура, имевшая опыт сотрудничества с нашей контрразведкой и учившаяся в антифашуле.

Третьего мая Копылов явился на службу в отличном настроении, несмотря на то, что накануне крепко отметил в

компании смершевцев взятие Берлина. Подмигнув переводчице Вале, достал из сейфа кипу папок, швырнул их на стол и сказал:

– Ну что ж, приступим!

– С кого начнем? – весело спросила Валя.

– Тащи любого из кучи, все будут наши.

Валя сняла пилотку, поправила прическу, поводила ладошкой над столом и наугад взяла одно из дел. «Вебер Эгон, 1913 года рождения, уроженец Карлсруэ, юрист», – прочла она.

– Конвойный! – крикнул Копылов. – Давай сюда Вебера из седьмого барака!

Вскоре конвоир, оставшись за дверью, пропустил в кабинет длинного тощего остроносого немца в очках, который, вытягиваясь в струнку перед офицерами, назвал свои данные.

– Садитесь! – приказал Копылов.

Вебер неуверенно опустился на край стула. Его Копылов отобрал, можно сказать, из идейных соображений. Вебер, если верить делу, никогда не состоял в НСДАП, в свое время был разжалован из офицеров в рядовые за пораженческие высказывания, в плен пришел сам, в антифашуле попросился тоже сам. Еще в сорок третьем сдал контрразведке двух бывших эсэсовцев, прятавших татуировки с группой крови под зелеными армейскими мундирами с чужого плеча, за что был премирован куском сала и краюхой черного хлеба, кото-

рые съел в присутствии опера, о чем имелась отметка в деле.

Листая папку, Копылов с брезгливостью поглядывал на пленного. «И как это они дошли до Волги? – думал он. – Тоже мне вояка! Соплей перешибешь!» И тут ему вспомнилось высказывание известного историка о том, что отдельно взятый немец в штатском никакой опасности ни для кого не представляет; страшен немец, одетый в униформу и построенный в колонны.

Копылов спросил у пленного, что он собирается делать после возвращения на родину. Вебер намеревался снова заняться адвокатской практикой, о чем честно сказал русскому. Копылов морщился. Общение с немцем было затруднено. Между ними стоял языковой барьер, а он не привык общаться с людьми через переводчика. Он задал немцу еще пару пустяковых вопросов, а затем спросил без обиняков, согласен ли Вебер помогать советским органам госбезопасности не только на территории СССР, но и на территории Германии.

Вебер помедлил немного и кивнул. Отказываться в его положении было рискованно. Он мог лишиться тех немногих тайных преимуществ, которыми пользовалась агентура Смерша.

– Скажи ему, Валя, нехай пишет подписку, – велел Копылов и начал диктовать.

Валя переводила: «Обязательство – Verpflichtung. Далее с новой строки. Я, Эгон Вебер, родившийся 20 февраля 1913

года в Карлсруэ, проживавший до мобилизации в Мюнцере по Шиллерштрассе, 12, добровольно даю согласие оказывать помощь советской разведке в любое время, когда это потребуется, и в любом месте, где бы я ни находился. Свои донесения буду подписывать псевдонимом «Мюнцер». Об ответственности за разглашение факта моего сотрудничества с советской разведкой предупрежден. Подпись. Армавир, 3 мая 1945 года».

– Вот и все, – сказал Копылов, забирая у Вебера листок. – Условия связи будут оговорены позднее. Валя! Принеси ему второе из нашей столовки!

Через несколько минут переводчица поставила перед Вебером дымящуюся миску с макаронами по-флотски. Вебер утер рукавом обветшалого кителя нос, постоянно пребывавший на мокром месте, и начал жадно, как голодная собака, есть, давясь и чавкая. Военнопленных в победном году кормили неважнецки, однако средний русский питался в то время значительно хуже.

Копылов отошел к окну, чтобы немец не видел, какие чувства отражались на его лице, и стал смотреть на развалины, которые весенняя зелень уже маскировала в защитный цвет...

Прошло тридцать лет, и однажды в мой кабинет, расположенный на втором этаже советской военной комендатуры в большом немецком городе, вошел начинающий разведчик Коля Юмашев, держа в руках папку с оперативными подбор-

ками.

- Добрый день, Алексей Дмитриевич!
- Добрый день! Садись. Что там у тебя?
- Вот сдаю дела в архив. Подпишите, пожалуйста.

Я начал быстро просматривать подборки, одно за другим подписывая постановления о сдаче дел в архив. С одним из них помедлил.

- «Ленца» жалко архивировать. Перспективный парень.
- Конечно, жалко. Но здесь полная безнадега. Вчера выставил нагого человека за дверь. В грубой форме отзывался о нас.

– А что в этом конверте?

– Фотокопия подписки его отца о сотрудничестве с нами. Отец «Ленца» был завербован в плену, но в дальнейшем с ним не работали.

Обычная история! К агентуре, завербованной методом Копылова, никто не относился всерьез. Почти все эти люди по возвращении на родину заявили в БФФ¹ о факте их вербовки советской разведкой и были тут же прощены. Случались, само собой, приятные исключения, но...

Я вынул из конверта фотокопии и усмехнулся. Третье мая сорок пятого года, Армавир! Мне очень хорошо запомнился этот день. Передвинув на школьной карте флажки, обозначающие линию фронта, я отправился домой и в ознаменование взятия Берлина совершил прыжок с крутой камышовой

¹ БФФ – контрразведка ФРГ.

крыши нашей хатки, сильно повредив при этом руку, за что был нещадно порот теткой, которая заменила мне родителей, взятых войной. Было это на окраине Армавира, и шел мне тогда двенадцатый год.

– А что, отец «Ленца» жив?

– Недавно умер.

– Он ездил в ГДР?

– Ежегодно. У него тут куча родни: брат, племянники.

– Каковы были его взаимоотношения с сыном?

– Думаю, что неплохие. Мать «Ленца» давно умерла, и воспитанием сына занимался как раз он. Вместе они ездили отдыхать к морю и в горы. Он обучил «Ленца» всем премудростям адвокатского ремесла и завещал ему свою контору.

– «Ленц» еще не уехал?

– Уезжает через неделю.

– Тогда пойди к нему и скажи, что отец завещал ему работать на нас.

– Алексей Дмитриевич, вы шутите?

– Нисколько. Предъяви ему подписку отца и скажи.

– Алексей Дмитриевич, но это...

– Застеснялся?! Чистоплюй! И все потому, что на тебя не пикировал «мессер», когда тебе было семь лет. И ты не знаешь вкуса жмыха. И папа с мамой твои все в наличии, дай им Бог здоровья! Да немцам во веки веков не расплатиться за то, что они натворили у нас! Однако же мировое сообщество посчитало, что они должны только евреям. Остальным

– дулю с маком! А между тем больше всех пострадали от них славянские народы. И они еще о реституциях возмечтали! Я им устрою реституцию! Дай сюда подписку!

Коля присмирел и протянул мне фотокопию.

– Алексей Дмитриевич, может, я сам?

– Не справишься ты! Хотя именно тебе с руки говорить с ним. Вы ведь одноклассники? Послевоенные мальчишки?

– Это так.

– Ладно, – смиростивился я. – Пойдем вместе. Поучишься.

Наш агент «Гендель», служивший в городской полиции инспектором уголовного розыска, пригласил «Ленца» в отдел виз и регистраций, придравшись к мелкой погрешности, допущенной иностранцем при оформлении пребывания в ГДР.

«Ленц» оказался высоким крепким парнем весьма независимого и, я бы даже сказал, ершистого вида. Чтобы он сразу не послал нас к чертовой бабушке, мне пришлось с места в карьер объявить ему, что речь пойдет о завещании его отца.

– О духовном завещании, – уточнил я, когда он сел. – Ваш отец не рассказывал вам о годах, проведенных в русском плену?

– Конечно, рассказывал. Должен заметить, что он никогда не говорил плохо о России и русских.

– Думаю, что у него не могло быть оснований для высказываний подобного рода. Не упоминал ли он о городке Ар-

мавире на Северном Кавказе?

– Упоминал. Там отец учился в антифашистской школе, там у него был роман с русской поварихой и там ему вырезали аппендицит.

Про аппендицит я ничего не знал, но уверенно стал развивать предложенную тему.

– Это была нелегкая операция. Запущенная болезнь на грани перитонита. Наши врачи буквально вытащили его из могилы.

– Откуда вам известны такие подробности?

– Из досье вашего отца.

Он удивленно поднял брови. И тут я положил перед ним подписку покойного Вебера. Подобные документы обычно производят впечатление разорвавшейся бомбы. Не давая «Ленцу» опомниться, я продолжал:

– Когда ваш отец вернулся из плена, он был беден, как церковная мышь. Мы помогли ему открыть адвокатское бюро и помогали в дальнейшем, когда ему приходилось туго. Его заслуги перед советской разведкой трудно переоценить. Под скромной личиной провинциального адвоката скрывался гений разведки. Многие крупнейшие скандалы века связаны с его именем, но об этом никто никогда не узнает. Тридцать лет мы рука об руку боролись вместе против фашизма и милитаризма, охраняя мир на земле, но только когда его не стало, мы почувствовали всю невосполнимость утраты. Мы низко склоняем головы перед его памятью.

– Вы хорошо знали отца? – спросил «Ленц», поднося платок к глазам.

– Когда я говорю «мы», то имею в виду не себя, а нашу очень солидную и всемирно известную фирму.

– Вы говорили о каком-то завещании.

– Разве отец ничего не успел сказать вам об этом? Мы ему позволили, потому что давно знаем вас как человека, которому можно доверить любую тайну.

– Он ничего не говорил мне.

– Значит, не успел. На последней встрече с нами он сказал, что после смерти его место в наших рядах займете вы.

«Ленц» помолчал с минуту, опустив голову, потом спросил:

– Я должен написать такое же обязательство?

– Да, – ответил я и начал диктовать ему подписку о сотрудничестве.

Когда мы с Колей возвращались на службу, мой юный коллега поинтересовался:

– Алексей Дмитриевич, если бы у вас был сын, вы порекомендовали бы ему пойти в разведку?

– Ни в коем случае, – ответил я. – Оперативные сотрудники разведки мало живут. Их средний возраст сорок семь лет.

– Это единственная причина?

– Единственная.

Коля стушевался и на всем пути до комендатуры не проронил более ни слова.

Ночевала тучка золотая...

Это было лет сорок тому назад. Я служил тогда в Нефтегорском областном управлении КГБ, и стаж моей работы в ЧК исчислялся не десятилетиями, а месяцами. Однажды меня вызвал начальник отдела полковник Прядко и велел составить справку по архивному делу «Суржа».

– Даю тебе две недели, – сказал он. – Не упрaviшьcя, прибавлю дня два-три, но не больше.

– Зачем мне столько? – удивился я. – Завтра справка будет у вас на столе.

– Нэ кажи гоп, – хохотнул полковник. – И запомни: самонадеянность не украшает чекиста.

Он протянул мне подписанное им требование на получение дела в архиве и погрузился в чтение длинной шифровки из Центра. Я повернулся через левое плечо и покинул руководящий кабинет. В архив спустился вприпрыжку, насвистывая марш Радамеса. Во мне кипела жизнь. Мне было двадцать четыре года, и на здоровье я не жаловался.

Архивариусу старику Семикову понадобилось менее минуты, чтобы испортить прекрасное мое настроение.

– А где мешки? – спросил он.

– Какие мешки?!

– В деле между прочим тридцать семь томов. Так что иди за мешками.

Я принес мешки и перетаскал все тома в свой сейф, после чего с головой зарылся в дело, которое оказалось более увлекательным, нежели любой из романов, читанных мною доселе. От пожелтевших страниц тянуло гарью пожарищ и порохом. Десятки жутких историй сплелись в один кошмарный клубок. Агентурные сообщения, свидетельские показания очевидцев, справки оперработников – все эти документы сурово и беспристрастно повествовали о кровавом пути банды Хасана Исапилова, орудовавшей в горах Таркистана в годы войны. Попади многотомная «Суржа» в руки опытного беллетриста, тот, возможно, написал бы на ее основе роман похлестче «Тихого Дона». Мне романа не потянуть. Поэтому попытаюсь воскресить в памяти и предать огласке лишь отдельные наиболее яркие эпизоды бандитской эпопеи...

Кавказская лесная чащоба мало походит на чащобу средней полосы. Крутизну высоких холмов густой зеленовато-серой массой укрывают тянущиеся к солнцу длинные побеги дубняка, орешника, боярышника, кизила, шиповника, карагача. Над подлеском там и сям возвышаются пышные кроны буков, чинар, дубов, ореховых деревьев и диких груш. По мере приближения к небу лиственные породы сменяются хвойными. Над горными джунглями царит птичий рай, внизу – полумрак, сырость, скользкие звериные тропы, усыпанные полусгнившей листвой. Здесь комфортно чувствует себя вепрь, рысь, медведь, шакал, змея и человек, если он аобо-

риген. Чужаку тут не протянуть и суток.

Два горца, пожилой и совсем еще юный, оба сухощавые, жилистые, ловкие, осторожно, стараясь не шуметь и не пораниться о колючий кустарник, спускались по склону лесистой горы на дно глубокой балки, где, поблескивая сквозь сучья темной голубизной, покоилось небольшое озерцо, холодное, как сердце красавицы, и бездонное, как ее глаза.

– Не спеши, Арби! – учил Абубакар племянника. – Ты должен не идти, а стелиться над землей так, чтобы ни один сучок не хрустнул под твоей ногой. Слышишь, сойка кричит? Это она рассказывает зверью о том, что мы идем.

Арби мельком взглянул на дядю и еще раз ужаснулся тому, как здорово тот похож на человека с объявления на нефтегорском рынке.

– А может быть, сойка рассказывает нам о приближении крупного зверя? – сказал он, улыбаясь и снимая с плеча берданку, заряженную жаканом.

Будто в подтверждение его слов, мимо них, метрах в пятидесяти, с шумом и треском пронесся полосатенький выводок диких поросят. Мелькнула в высокой траве массивная черная туша кабанихи-матери. Арби не стал стрелять, а Абубакар даже ружья не снял. Им нужна была благородная дичь, и они продолжили свой путь к озеру. Абубакар сосредоточенно молчал, прокладывая в зарослях дорогу себе и племяннику. Арби шел за ним след в след, а мысли его были все о том же объявлении, обещавшем сто тысяч рублей за голову

неуловимого Хасана.

Исрапилова знал в лицо весь Таркистан. Он всегда и повсюду был первым, потому что любил быть первым. О нем рассказывали по радио и писали в газетах как о первом пионере, первом комсомольце, первом коммунисте. Когда Хасан стал первым врагом народа, о нем мигом забыли, а когда стал первым политбандитом, метившим в имамы всего Кавказа, вспомнили снова. Звездный час Хасана Исрапилова пробил летом сорок второго, когда немцы вплотную приблизились к Нефтегорску. Банд-повстанческое движение в горном Таркистане набирало силу по мере продвижения вермахта в глубь Кавказа. Исрапилов видел себя наместником фюрера в бывших горских республиках. Он основал национал-социалистическую партию кавказских братьев, о чем сообщил Гитлеру в личном послании. Фюрер отреагировал незамедлительно. Исрапилову было присвоено звание полковника немецкой армии, а советником к нему направили кадрового сотрудника абвера полковника фон Штубе. Последний по прибытии в Таркистан поначалу соблюдал все академические правила конспирации: обосновался под самым небом в конспиративной пещере, велел своим подручным разработать графики проведения явок, пароли, подобрать места для закладки тайников. Однако со временем, убедившись в исключительной лояльности местного населения, видевшем в нем чуть ли не посланца Аллаха и потенциального избавителя от русского ига, обнаглел и стал среди

бела дня совершенно открыто разгуливать по улицам рай-центров. Погубила его вера в благородство таркинского на-рода, но об этом позже.

Юному таркинцу Арби было в высшей степени напле-вать на все вышеизложенное. Ему хотелось иметь велосипед, изящный, сверкающий никелем, пахнувший металлом, рези-ной и хорошо выделанной кожей. Велосипед стал главным героем его снов, голубой мечтой, манией. Сотни раз он ви-дел себя подъезжающим к нефтегорскому рынку не на скри-пучей повозке, запряженной старым плешивым ишаком, а на велосипеде с притороченной к багажнику бараньей ту-шей. Резкие трели звонка заставляли прохожих поспешно расступаться перед ним, а барышень – бросать на него вос-хищенные взгляды. Но велосипед стоил дорого, а денег, да-же малых, у Арби не водилось. Многочисленные родствен-ники, такие же безденежные, как он, внушили ему с мало-летства, что разбогатеть честным путем невозможно. Гены предков-абреков, подкарауливавших богатых купцов в при-дорожных кустах, бродили в нем, мутя рассудок и побуж-дая хвататься за кинжал при виде вероятной добычи, однако налет цивилизации, возникший как следствие семилетнего пребывания в советской школе и осевший в недрах сознания мономолекулярным слоем, пока не позволял преступить за-претной черты. Арби шел след в след за дядей Абубакаром, тупо глядя на его спину, терзаясь и горько сожалея о том, что дядя как две капли воды похож на великого воина Аллаха

Хасана Исапилова, объявившего джихад неверным.

Вскоре они достигли озера. Им было недосуг любоваться открывшимися красотою, да они и не могли воспринимать как нечто необычное и достойное восхищения то, что видели вокруг. Все это они знали, как знают собственный двор. Это были их земля, их горы, их лес, их озеро. Они обитали тут с момента появления на свет и давно стали частью этого девственного мира, не склонного к самолюбованию, а потому вдвойне прекрасному.

Берега у озера были крутые, но кое-где они осыпались, образуя пологости. К этим пологостям и вели все звериные тропы. По ним животные спускались с гор на водопой. Абу-бакар и Арби затаились в кустах метрах в двадцати от мокрой полянки у воды, хранившей следы многих копыт и лап. Не прошло и получаса, как на полянке появилась косуля. Легкая и грациозная, она не стала пить, а замерла, как извояние, у самой воды. Подняв голову, она ловила ветерок трепещущими ноздрями. Что-то косуле не понравилось. Почуввав опасность, она вся напряглась, подобралась, чтобы прыгнуть обратно в лес, но в это мгновение прогремели два выстрела. Косуля и Абу-бакар упали одновременно, забившись, задержавшись в предсмертных конвульсиях. Дядя стрелял в косулю, племянник стрелял в дядю.

Арби несколькими ударами кинжала отделил голову Абу-бакара от тела. Это была его первая голова, поэтому он сильно нервничал, руки его дрожали, и с одного удара не полу-

чилося: мешали шейные позвонки. А тут еще полуметровая форель выплеснулась из воды и, блеснув на солнце, подобно клинку сабли, с шумом плюхнулась в озеро. Рыба сильно напугала Арби. Она все видела. Однако Арби успокоил себя, подумав о том, что форель ничего никому не сможет рассказать. Недаром говорят: нем, как рыба. Светлая кровь затухающими толчками хлестала из обезглавленного тела. Из головы крови вытекло немного, и была она почти черной. Арби засунул за пазуху трупа плоский пятикилограммовый валун и спихнул тело с кручи. Озеро, плотоядно булькнув, приняло его в свое бездонное лоно. Арби засыпал кровавую лужу толстым слоем земли, забросал галькой и трухлявыми сучьями, оружие убитого и его папаху спрятал в укромной расщелине среди скал, голову Абубакара положил в мешок, предварительно швырнув туда большую охапку крапивы. Крапивой горцы в жаркие дни перекладывают свежую рыбу, чтобы она не протухла в одночасье. Мешок с головой засунул в дупло мощного дуба, заслонив свой трофей от зверья и хищных птиц толстыми ветками. Одежда его была в крови, но это не смутило Арби. Взвалив косулю на плечи, он направился в сторону родного аула. Пусть люди думают, что на нем кровь убитого животного. Родственники спросят, где дядя. Он скажет, что они с Абубакаром у озера разошлись в разные стороны, решив охотиться порознь, и каждый пошел к своей засидке. Вероятность добыть зверя таким образом удваивалась. Убив косулю, он стал звать Абубакара, не тот

не откликнулся. Конечно, дядю будут искать. Не найдут – успокоятся. Решат: кровник убил. Такое в здешних местах не редкость. Еще Арби думал о Боге. Дядя Абубакар был веселым человеком, он потихоньку богохульствовал, когда они оставались одни. Все люди, говорил Абубакар, молят Аллаха о том, чтобы он ниспослал страшные беды на головы их врагов, и каждый народ молит Аллаха о том, чтобы он ниспослал страшные беды на соседние народы. Поэтому Аллах решил никому не помогать и никого не карать. Он плюнул на дела земные и занялся делами небесными. Молится же человек для того, чтобы успокоить замутившуюся душу. Тут Арби вспомнил, что пришло время творить намаз. Он положил косулю на землю, расстелил рядом куртку, замаранную кровью, разулся, встал на импровизированный коврик, повернулся лицом в ту сторону, где, по его разумению, находилась Мекка, опустил на колени, сложил ладони и, коснувшись лбом травы, принялся истово молиться...

Вечером того же дня заместитель начальника отдела «ББ»² Нефтегорского управления НКВД³ старший лейтенант Прядко доложил начальнику отдела капитану Рубакину о последнем «подвиге» Исрапилова. Банда кандидата в имамы Кавказа напала минувшей ночью на большой аул Рахманюрт. Председатель сельсовета, коммунисты и активисты с семьями успели укрыться и забаррикадироваться в здании

² Отдел «ББ» – отдел по борьбе с бандитизмом.

³ НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

школы. Оттуда они вели редкий огонь из единственного нагана и охотничьих ружей, не подпуская бандитов к своему убежищу. Председатель послал сына, двенадцатилетнего пацана, в райцентр за подмогой. Бандиты поймали мальчишку и притащили его к своему главарю. Ребенка нещадно били, но он молчал, и на глазах нукеров Исрапилова проглотил записку отца. Хасан, не колеблясь, вспорол кинжалом животик мальчика, чтобы прочесть записку, а когда у защитников школы кончились патроны, сжег ее вместе с председателем, коммунистами и активистами.

– Зверье! – со злостью процедил сквозь зубы Рубакин. – Поймаю, спалю живьем!

– Ты сначала поймай, – засмеялся Прядко.

Они были неразлучными друзьями, эти два совершенно разных человека: гремучий холерик Рубакин, у которого за душой не было ничего, кроме детдома и ШРМ⁴, а в душе полыхала одна лишь ненависть к врагам Отечества и Советской власти, и ироничный строгий аналитик Прядко, выпускник московского иняза, прочитавший уйму полезных, бесполезных и даже вредных книг. Рубакина в Нефтегорске знали с малолетства, а Прядко был пришлый. О нем в управлении болтали, будто его поперли из разведки то ли из-за скандальной пьянки, то ли из-за очень красивой бабы. Однако все это было чистой воды вымыслом. Он действительно служил в разведке и готовился в нелегалы для заброски в тыл про-

⁴ ШРМ – школа рабочей молодежи.

тивника, но был снят с подготовки ввиду неизбежности провала: у него не ладилось с фонетикой. По-немецки Прядко говорил вполне бегло, но славянский акцент прорывался повсеместно. С этим нельзя было ничего поделать, и его бросили «на укрепление» в Нефтегорскую ЧК.

– И чего им, блядям, не хватает?! – продолжал Рубакин. – Грамоте их научили, от трахомы, сифилиса и туберкулеза вылечили, электрический свет зажгли, ссать стоя научили, а они все туда же...

– Мечети взорвали, мулл постреляли, – встрял в его монолог Прядко.

– Так то ж был оплот контрреволюции!.. А ты таркинца не защищай. Узнаешь его поближе – примешь мою сторону. Это мы все совестью маемся: то нехорошо, это нехорошо, то нельзя, это нельзя. А он, коли захочет есть, отнимет кусок хлеба у ребенка, сожрет его и будет сыт. И никаких тебе угрызений, потому как зверь он, притом зверь безжалостный, коварный, хищный, и обходиться с ним надо по-звериному.

– Вот-вот, – снова возник Прядко. – На этой неверной посылке основана вся твоя порочная теория. Никому нельзя навязывать насильно своей правды, своего счастья. Неизбежно получишь противодействие, равное по силе действию. В соответствии с законом Ньютона... Ехал я сегодня в троллейбусе на работу и слышал интересный такой разговор. Русская женщина ругалась с таркинкой. Мы вам, говорит

русская, университет построили, больницы, дома культуры, лампочку Ильича зажгли, троллейбус пустили, а вы нас ненавидите. Таркинка ей в ответ: мы бэз этак ваш гавно тры тышшы раз лучшэ жылы. Забырай свой нырсытэт, забырай свой тарлэйбус, забырай свой лэтрычэство и катыс атсуда!

– Говоришь, нельзя никому навязывать силком своей правды? – перебил друга Рубакин. – Не бывает правды, общей для всех. У каждого класса своя правда, у каждого народа своя правда. Чья правда верх возьмет, тот и на коне!

Зазвенел телефон. Рубакин снял трубку, послушал и весело оскалился.

– Пошли в дежурку. Голову принесли.

– Да ну?! – изумился Прядко.

– Вот тебе и да ну!

– Ведь мы оценили голову Исрапилова всего в десять ящиков водки!

– Или в четыре коровы. Пошли, пошли!

В дежурке было полно народа. У двери, робко и застенчиво улыбаясь, стоял симпатичный парнишка-таркинец. На вид ему было не более шестнадцати лет. В дальнем углу, у сейфа дежурного офицера, лежала на окровавленной мешковине бородастая голова. Выпученные глаза ее с жутким безразличием смотрели на сбежавшихся со всего управления оперов. Рубакин несколько секунд разглядывал голову Абу-бакара, после чего вынес заключение:

– Вроде бы он. Во всяком случае похож здорово.

Приблизившись к голове, осторожно раздвинул синие губы большим и указательным пальцами правой руки, в то время как левой придерживал страшный трофей за волосы.

– А ну посветите кто-нибудь ему в рот фонариком!

Луч фонарика высветил два ряда отличных зубов. Лицо Рубакина искажилось яростью. Он подбежал к таркинцу и схватил его за грудки обеими руками.

– Говори, сучонок, кого зарезал!

Арби молчал. Рубакин шарахнул его о косяк, а когда парнишка опустился на пол, наподдал еще ногой.

– Говори, паскуда!!!

Плача и путаясь в соплях, Арби рассказал все, как было.

– В подвал его! – велел Рубакин. – Утром разберемся с ним. И расстрелять ведь нельзя! Несовершеннолетний.

Он устало поплелся в свой кабинет. Прярко последовал за ним.

– Ты как его опознал?

– У Исрапилова зубы вставные, а у этого все свои. Хасановы зубы я вот этим самым кулаком лично высадил на допросе в тридцать восьмом.

– Что же вы его тогда не пустили в расход?

– Так он же сбежал.

– Сбежал?! Отсюда?!

– Ну да! Был у нас такой следователь Козлов. Хороший мужик, но растяпа. Так он этого Козлова оглушил следственным делом по башке и выпрыгнул со второго этажа в Суржу.

Прядко выглянул в окно. Внизу, в крошечной темноте, раздраженно урчала, спотыкаясь о валуны, быстрая горная речка Суржа. Прядко подумал, что норомом она походит на таркинца. Сейчас на дворе стоял август, и кто бы мог поверить, что в июне, в период таянья снегов, эта самая Суржа с ревом волокла к Тереку вырванные с корнями деревья, камышовые кровли бедняцких жилищ и трупы домашних животных. Одна из стен здания нефтегорской ЧК обрывалась прямо в воду. Эта сырая замшелая стена была сложена из огромных каменных блоков. Вид она имела мрачный, угрюмый даже. Да и все здание не отличалось приветливостью, хотя его выкрасили в белый цвет. Было оно приземистым, подслеповатым. Окна первого этажа, забранные в толстые стальные решетки, постоянно напоминали перепуганным обывателям о пятидесят восьмой статье, чудовищных сроках и длиннющих этапах. А ведь до революции здесь размещалось что-то вроде культурного центра. Тут можно было хорошо выпить, закусить и в картишки перекинуться. Отдельные «нумера» с веселыми девушками тоже имелись. Старый бардак царских времен привлек чекистов своей неприступностью. Его метровой толщины стены могли выдержать любую осаду, а воды было сколько угодно прямо под окнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.